Теоретическая концепция юридической техники кодификации уголовного закона

Глушкова Елена Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Уральский институт дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»; Нотариус; член Российской криминологической ассоциации, elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции юридической техники кодификации уголовного закона. Теоретическая концепция юридической техники неразрывно связана с формирование доктрины уголовного права. Именно доктрина вырабатывает средства юридической техники. Разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом юридическая конструкция выступает некоей идеальной моделью, с помощью которой возможно теоретически осмыслить, а затем нормативно закрепить. Иными словами, доктринальную юридическую конструкцию следует рассматривать как мыслительный образ соответствующих правовых явлений. На текущий момент преобладающая точка зрения определяет кодификацию как составление, упорядочивание и систематизацию права или предметной области в рамках закона (книги). Это классическое определение, однако, представляет собой лишь самый низкий общий знаменатель различных концепций кодификации, встречающихся в литературе. Вопрос о том, в какой степени две определяющие характеристики — составление и систематизация — необходимы для кодификации, является особенно спорным и в значительной степени открытым для дискуссии. Строгие требования прежнего идеалистического подхода к кодификации в последние десятилетия, по мнению ряда исследователей, все больше смягчаются. По прагматическим причинам сегодня цель уже не состоит в полном, окончательном, последовательном, систематическом регулировании, основанном на фиксированных аксиомах, или даже во всесторонней фиксации всех фактов. Согласно распространенному мнению, достаточно проникновения в конкретную, ограниченную область права, что выражает стремление к согласованности, стандартизации, и рационализации законодательства. Такое широкое понятие позволяет законодателю проявлять абстракцию и гибкость при создании «кодификации».

Ключевые слова: теоретическая концепция, юридическая техника, кодификация, уголовный закон, систематизация.

Наше исследование исходит из рабочей гипотезы, вытекающей из широкого понятия кодификации, принятого в научной литературе, которое, однако, уточняется более четким разграничением ее предпосылок в доктрине. Этот широкий аналитический подход направлен не столько на то, чтобы дать ответ на довольно непродуктивный вопрос о том, соответствуют ли определенные нормативные акты заранее определенным концептуальным требованиям кодификации или нет. Скорее, он в первую очередь позволяет провести дифференцированную оценку того, в какой степени правовые тексты соответствовали различным предпосылкам и целям идеи кодификации.

Конститутивными предпосылками кодификации, согласно определению Бентама, являются элементы записи и легализации; составление и систематизация правового материала; регулирование и законодательное закрепление.

Фундаментальным условием и целью кодификации является, прежде всего, письменное документирование соответствующих норм. Это должен сделать разработчик правил, чтобы сформировать осмысленное понятие кодификации. Кроме того, это должно быть сделано органом, устанавливающим стандарты, для формирования осмысленной концепции кодификации. Впрочем, письменная документация частного собрания законов – или современного учебника – также способствует правовой определенности. Однако ей не хватает авторитета соответствующего органа, устанавливающего стандарты. Поэтому письменная кодификация, в смысле самой идеи кодификации, по существу требует юридической кодификации в смысле континентальной европейской традиции. Эти элементы письменной и юридической кодификации — отдельные из которых присущи самой концепции кодификации — сегодня настолько распространены, что часто не упоминаются отдельно в соответствующей литературе.

В гражданском праве они не столь значимы, как в континентальном уголовном праве, которое характеризуется особыми защитными требованиями и в котором законодательство играет основополагающую роль во многих областях – особенно благодаря принципу nullum crimen [4]. В уголовном праве общего права традиционно отсутствует подобная абстрактная кодификация, но в последнее время наблюдается также сильная тенденция к законодательной кодификации [8].

Вторым необходимым условием кодификации является, на наш взгляд, объединение большего числа связанных между собой нормативных актов в единый закон. Однако по ряду причин подобная компиляция может быть реализована лишь в ограниченной степени.

Во-первых, полное изложение всех фактов, которое требовалось в более ранних проектах кодификации (к примеру, в Своде законов Российской Империи 1832 г. (из которых только том XV относился к уголовному праву), – как уже объяснялось, – недостижимо. Поскольку многообразие и сложность жизненных обстоятельств не могут быть охвачены законом, толкование статутного права, которое неизбежно абстрагируется, является незаменимым. Позволим здесь высказать осторожное предположение, что в современных реалиях быстроменяющейся жизни общества, можно признать методологически несовершенной, например, идею запрета легального комментирования уголовного закона судьями [3], основанную на высказывании Ш.Л. Моньескье, что судья не может заниматься толкованием, а является лишь «рупором закона» [9].

Поэтому компиляция соответствующих нормативных актов может содержательно относиться только к «формальной компиляции» существующего законодательства. В качестве «материальной компиляции» она может быть распространена и на законодательство, необходимое de lege ferenda. Однако такое расширение добавило бы к определению кодификации еще одну свободу усмотрения в области правовой политики, которая требует строгих суждений, и поэтому ее следует рассматривать как отдельный исследовательский вопрос о неизбежно существующих пробелах в уголовном законодательстве.

Во-вторых, существенное ограничение требования о составлении свода законов возникает – даже когда оно ограничивается составлением свода законов – из-за его ограничения положениями

того же законодательного органа. Таким образом, полнота кодификации ограничена, особенно в многоуровневых системах.

Например, в правовом плюрализме XIX в. кодификационные достижения Уложения 1845 года были, таким образом, по своей сути ограничены имперским правом и не могли включать многочисленные существующие законы (Устав о ссыльных 1822 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г.) – как это впоследствии смог сделать единый уголовный кодекс в Советский период развития России.

В-третьих, еще одно неотъемлемое ограничение компиляции возникает из-за того, что некоторые положения одновременно относятся к нескольким областям регулирования, охватываемым частичными компиляциями. В этом случае законодательный орган должен решить, отнести ли эти положения к той или иной кодификации. Это неизбежно приводит к тому, что одна из двух кодификаций становится «неполной».

В четвертых, невозможность всеобъемлющего объединения всех соответствующих нормативных актов в одном законе может также в еще большей степени быть следствием большого количества соответствующих норм. Полнота кодификации может привести к недостаточной ясности и, следовательно, к достижению желаемых целей концепции кодификации в меньшей степени, чем сознательный отбор важных норм.

Это особенно очевидно в русском уголовном праве XIX в. в специальной части материального уголовного права. Полный перечень всех уголовных преступлений включал бы не только несколько сотен преступлений, предусмотренных действующим Уголовным кодексом (Уложением 1845 г.), но и гораздо большее количество преступлений, предусмотренных вспомогательным уголовным правом (упомянутыми уже нами Уставом о ссыльных, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). Как показывает современное российское уголовное законодательство, попытка составления такого всеобъемлющего списка может, из-за большого количества соответствующих преступлений, привести к широким, общим положениям о преступлениях или кратким описаниям наказуемых областей.

Оба подхода могут оказаться контрпродуктивными для целей кодификации — более подробно рассмотренных ниже, — в частности, для правовой определенности и регулирования поведения граждан.

Поэтому в области материального уголовного права сосуществование Уголовного кодекса (Уложения 1845 г.) и вспомогательных законов (Устава о ссыльных, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) установилось в России еще в XIX в.

Даже достаточно хорошо проработанное Уложение 1845 г. не смогло обойтись без дополнительных положений, касающихся правонарушений ссыльных и каторжных.

В пятых. Объем сборника определяется не только количественной степенью его полноты, но также, и, возможно, что более важно, планом кодификации законодателя и его тематическими ограничениями.

Данный план имеет широкий спектр применения, от «крупных» общих кодификаций до «небольших» региональных кодификаций. Последние, в свою очередь, могут привести к формированию согласованного «кодификационного большинства» или «книжной системы» [10].

Таким образом, «составление» необходимых для кодификации норм не может быть просто оценено как данное или нет с помощью решения «да/нет». Скорее, требование составления в первую очередь сводится к вопросу о том, в какой степени оно уже достигнуто или достижимо – осмысленным образом. В этом контексте качественные аспекты, помимо количественных, также имеют решающее значение и тесно связаны с целями кодификации.

Систематизация и догматизация соответствующих нормативных актов являются решающими шагами от составления до кодификации. Систематизация достигается, прежде всего, путем группировки положений в различные подотрасли права и их дальнейшего подразделения, соответствующей систематической структуры правового труда (которая формально отражена в заголовках разделов), абстрагирования общих нормативных актов, догматического анализа предмета и применения определенных руководящих принципов. Абстрагирование общих нормативных актов от конкретных норм часто приводит к «общим частям», в которых нормативные акты, касающиеся различных преступлений, кодифицируются в целом для множества сценариев, т.е. они технически располагаются «перед» нормативными актами по отдельным делам. В уголовном праве соответствующее развитие началось достаточно рано и способствовало развитию общих принципов для всех уголовных преступлений [4].

Формирование такой системы часто является результатом догматического развития правовой сферы, а также фундаментальных соображений правовой политики [7].

Влияние научных исследований в этой области особенно велико. Их вклад заключается как в содержательном анализе права, так и в совершенствовании законодательных методов. Научный подход часто выражается в более высокой степени абстракции, присущей новому законодательству по сравнению с предыдущим законом, и которая также представляет собой явное отличие от прецедентного права общего права.

К оценке систематизации применяются те же принципы, что и к оценке составления.

Здесь тоже речь идет не просто о решениях «да/нет», а прежде всего о вопросе, насколько эффективно это было достигнуто. Однако полученный результат нельзя оценить исключительно количественно и без учета целей кодификации, которые лежат в основе критериев ее качественной оценки и будут рассмотрены более подробно ниже.

Проанализированные ранее предпосылки кодификации – легализация, составление и систематизация – позволяют достичь различных целей, начиная от правовой определенности и рациональности и заканчивая реализацией конкретных идей и правовой гармонизацией, а также приобретением регулирующей власти и авторитета у регулирующего органа. Реализация этих целей на практике с помощью конкретного законодательного акта зависит не только от намерений, но и от мастерства соответствующего законодателя.

Правовая определенность обеспечивается прежде всего посредством кодификационных элементов, таких как письменная и законодательная кодификация, составление и систематизация. В истории развития русского уголовного права, в частности, Уложение 1845 г. иллюстрирует повышение правовой определённости, достижимое посредством простой кодификации права. Кроме того, кодификация гарантирует авторитет, законность, легитимность и определенную степень стабильности права. Составление свода законов может дополнительно обеспечить ограниченную гарантию полноты соответствующих норм и предотвратить «атомизацию» права. Систематизация также способствует правовой определенности, прежде всего, облегчая доступ к праву посредством четкого регулирования в рамках единого закона и обеспечивая основу для (особенно систематического) толкования и развития права.

Достигнутая таким образом в XIX – начале XX вв. правовая определенность в русском уголовном праве стала выражением принципа верховенства права и гарантировала предсказуемость права. Она являлась выражением рациональности государства и позволяла осуществлять его контроль за уголовно-правовой сферой жизни общества. Кроме всего прочего, это гарантировало, что посягательства на права поданных будут предсказуемыми, поддающимися расчету и проверке.

Это ограничивало, к примеру, произвол и злоупотребление властью в процессуальных принудительных мерах и лучше защищало поданных. Таким образом, аспект правовой определенности стал в XIX в. частью либерального понимания уголовного права, которое устанавливает видимые и четкие ограничения государственной власти. Кроме того, осмысленная систематизация закона позволила обосновывать более убедительные действия и, следовательно, обеспечивать лучшую легитимность отдельных результатов применения закона. В долгосрочной перспективе такая прозрачность и надежность должна была укрепить доверие российских поданных к правовой системе. В конечном итоге, это также позволяло законодателю осуществлять самоконтроль, четко понимая, какие действия подлежат каким государственным санкциям и при каких условиях. Это облегчало постоянный мониторинг и адаптацию закона к изменениям в обществе.

С составлением и систематизацией тесно связаны цели кодификации как рационально обоснованного и усовершенствованного права. Рациональность законодательства уже обеспечивается простым составлением свода существующих нормативных актов, поскольку это позволяет рассматривать взаимосвязанные элементы в их контексте. Логический анализ, связанный с систематическими и рациональными методами законодательной деятельности, также

способствует рациональности содержания закона. Он делает аргументы и оценочные суждения, лежащие в основе нормативного акта, более наглядными, позволяет использовать рациональные обоснования и выявляет ложные аргументы. Если законодатель принимает решения, отклоняющиеся от общих принципов или принимающие иррациональные решения, кодификация четко это демонстрирует и должна обосновывать себя гораздо легче, чем если бы эти отклонения не были очевидны. Однако систематика и институциональное развитие не только служат рациональности законодательства, но и поддерживают толкование и дальнейшее развитие права [5]. Внутренняя согласованность аргументации может укрепить чувство справедливости, присущее системному мышлению [2]. Кроме того, результаты становятся более понятными, особенно для гражданина, подпадающего под действие закона, и, таким образом, улучшают его принятие закона. Влияние систематической и рациональной законодательной техники на соответствующее содержание права очевидно в уголовном праве, например, в последовательном применении положений Общей части к различным преступлениям, рассматриваемым в Особенной части: любое расширение или ограничение преступления по сравнению с общими нормами, например, в отношении субъективных элементов или иного начала покушения, должно быть четко регламентировано и, таким образом, становится общеизвестным. Аспект рационального обоснования и прозрачность оценочных суждений также играет важную роль в Особенной части для защиты правовых интересов при декриминализации или расширения перечня преступлений.

Правовая реальность показывает, что кодификация часто служила и служит для навязывания определенных идей и, следовательно, для фундаментальных системных изменений [1]. В этом контексте часто существует тесная связь с юридической наукой, чьи догматические основы и нововведения регулярно базируются на таких — зачастую новых — идеях. Однако нет автоматической связи между внедрением новых идей и их кодификацией. Скорее, внедрение конкретной идеи должно активно осуществляться законодателем. В таких случаях кодификация оказывается очень эффективным инструментом. Это объясняется прежде всего тем, что она, как правило, охватывает все соответствующие нормы, и благодаря своей систематизации и всеобъемлющим общим положениям влияет на содержание многочисленных других нормативных актов и, следовательно, может с помощью лишь нескольких корректировок привести к фундаментальным изменениям или даже к изменению другого закона.

Таким образом, значимые кодификации уголовного права в русской истории были почти все связаны с признанием новых идей, которым они либо способствовали прорыву, либо которые они обобщали.

Во многих случаях кодификация в русской истории служила определенной идее: преодолению правовой фрагментации и созданию правового единства начиная с 1497 г. (также как символ политического единства). Поскольку правовая фрагментация существует внутри правовой системы и основана на множестве различных законов, неписаных правил или противоречивой юриспруденции, правовое единство достигается прежде всего путем компиляции и систематизации разрозненных нормативных актов, описанных выше. Однако истинное значение кодификации для правового единства заключается в преодолении фрагментации на различные — частные или национальные — правовые системы.

Это объясняется тем, что ее всеобъемлющее регулирование особенно хорошо подходит для устранения прежних правовых источников. Таким образом, например, европейские кодификации, появившиеся в XVIII и XIX вв., быстро вытеснили римское право, которое ранее носило второстепенный характер, местные нормы, которые продолжали применяться и после распада Священной Римской, а также частные законы наряду с государственным правом. В Российской Империи такая попытка была предпринята сравнительно поздно, в первой половине XIX в. посредством принятия Уложения 1845 г. Последнее, в какой-то мере, устранило существовавшее ранее разнообразие государственных уголовных законов. В этом кодификационном движении, помимо правового единства, свою роль играл и формирующий идентичность эффект общей кодификации, проведенной М.М. Сперанским в 30-е гг. XIX в. Таким образом, идея кодификации исторически – в XIX и XX вв. – также являлась инструментом реализации идеи национального российского государства [6].

Фрагментация на отдельные уголовные законы, которая была уменьшена кодификацией, невыгодна для уголовного права – особенно в экономически и политически тесно взаимосвязанных областях – поскольку различные нормы уголовного права, из-за высокой степени вмешательства, препятствуют сотрудничеству в области уголовного права между различными сферами жизни общества. Поэтому создание правового единства особенно важно в уголовном праве. Речь идет не только о трудностях применения различных законов на разных территориях. Кроме того, сложно объяснить гражданину, почему основанное на разуме уголовное право, философские основы которого распространяются на целую «нацию», на деле, из-за сосуществования многочисленных уголовных законов, объявляет разные действия наказуемыми и предусматривает разные наказания. Поэтому правовая гармонизация тесно связана с равенством всех граждан (которое, однако, не распространяется автоматически на федеративно (или псевдофедеративно) структурированные территории, которые были в разные периоды времени в составе Российской Империи (Финляндия, Польша).

На практике кодификация часто также служит для укрепления авторитета и власти. Это основано на формальных и содержательных причинах: формальное усиление авторитета, связанное с кодификацией, регулярно проявляется – даже в историческом контексте – в законодательной компетенции, которая всесторонне используется посредством кодификации, особенно в обнародовании норм и связанном с этим требовании суверена к соблюдению этих норм (пример тому, царские манифесты). Более высокий уровень абстракции кодификации и, как следствие, более ориентированная на будущее регулятивная техника означают, что законодательное влияние, как правило, имеет большее значение при создании кодификации, чем при принятии отдельных нормативных актов.

Однако более важным, чем формальная компетенция на законотворчество, является определение содержательной части кодификации. Сбалансированная кодификация может создать у гражданина впечатление «справедливого» законодательства и тем самым укрепить авторитет государства. Государственная власть и авторитет находят свое выражение, в частности, в уголовном праве, поскольку это исключительная ответственность государства. Только оно решает, что наказуемо, при каких условиях и с какими санкциями. В случае всеобъемлющего и долгосрочного уголовного законодательства это укрепляющее авторитет влияние особенно сильно.

Таким образом, согласно проведенному анализу, концепция кодификации представляет собой скорее дополнение трех важных элементов хорошего нормативного проектирования, каждый из которых по отдельности, но особенно в их взаимодействии, может привести к улучшению законодательства и достижению дальнейших целей. Три требования — легализация, составление и систематизация стандартов — даже по отдельности являются необходимыми условиями для любого хорошего законодательства. Поэтому они должны применяться не только к основным законам столетия, но и ко многим их незначительным поправкам.

Кодификация, часто определяемая в литературе как составление, организация и систематизация законов, характеризуется тремя формальными предпосылками. Это письменная кодификация и легализация; составление и систематизация правовых положений законодателем. Предпосылки составления и систематизации могут быть выполнены в большей или меньшей степени и с различным качеством результирующего закона.

Три предпосылки кодификации обладают — каждая в отдельности, но особенно в их взаимодействии — значительным потенциалом для достижения определенных правовых и политических целей. Эти возможные цели включают в себя в частности: правовую определенность, рациональность и совершенствование права, реализацию конкретных идей, создание правового единства и усиление власти и авторитета законодателя.

Правовая определенность возникает посредством кодификации прежде всего за счет письменного и законодательного оформления закона, а также за счет составления и систематизации положений, которые благодаря этому становятся более доступными. Правовая уверенность гражданина в защите от государственного произвола, особенно важная в уголовном праве, гарантируется законодательной кодификацией в специфической форме принципа nullum crimen. Рациональность и (особенно законодательное) совершенствование права являются результатом компиляции и систематизации норм.

Эффективная реализация идей посредством кодификации имеет несколько причин: кодификация, посредством своей компиляции, включает в себя множество соответствующих норм и, таким образом, может привести к всесторонней реформе. Их систематизация, и часто также размещение общей части в начале, приводит к строгой законодательной технике, которая делает отклонения прозрачными и позволяет систематически интерпретировать в соответствии с ее основной идеей. Законодательный процесс в рамках регулируемой процедуры, а также длительный процессуальный путь кодификации, придают закону и лежащей в его основе идее дополнительную легитимность.

Благодаря этим качествам кодификация особенно хорошо подходит для достижения правовой гармонизации. Всестороннее составление, систематическая связь норм в рамках более широкого свода законов и обещание рационального и всеобъемлющего решения проблемы, основанного на убедительной идее, заложенной в кодификации, могут легко вытеснить другие нормативные акты в целом.

По тем же причинам кодификация может способствовать усилению авторитета и власти законодателя, который эффективно демонстрирует свою компетентность посредством всестороннего составления, систематического и рационального регулирования и реализации конкретной идеи.

Благодаря своему систематизированному и процессуальному подходу кодификация часто приводит не только к улучшению процесса законодательного регулирования, но и к созданию «существенно превосходного» закона. Однако в этом отношении нет обязательной связи с конкретными содержательными ценностями: в этом смысле кодификация является «инструментом двойного назначения»: она может юридически защищать гражданские свободы граждан в демократии так же эффективно, как и способствовать их нарушению в антидемократических режимах.

Литература

1. Власенко Н.А., Черногор Н.Н., Абрамова А.И., Чернобель Т.Г., Дворникова О.А., Маленко Т.В. Кодификация законодательства и эффективный механизм правового регулирования // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 154-162;
2. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer (дата обращения: 30.05.2026).
3. Попов О.В. Теоретико-правовые правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 221 с.
4. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып.I. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. 535 с.
5. Тихомиров Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ //Журнал российского права. 2009. № 12. С. 5-13.
6. Bühler T. Gewohnheitsrecht – Enquête – Kodifikation. Zürich, 1977. 192 s.
7. Dubber M. Reforming American Penal Law // Journal of American Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 90. [Электронный ресурс]: URL: https://scispace.com/pdf/reforming-american-penal-law-4668o01jst.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
8. Montesquieu C. Vom Geist der Gesetze. Genf 1748. XI. Buch, 6. Kapitel. Stuttgart, 2001. 211 s.
9. Rethorn D. Kodifikationsgerechte Rechtsprechung. Berlin, 1979. 184 s.

Theoretical concept of the legal technique of codification of criminal law

Glushkova E.M.

Ural Institute of Additional Professional Education, "All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)"; Russian Criminological Association

This article analyzes the theoretical concept of the legal technique of codifying criminal law. The theoretical concept of legal technique is inextricably linked to the development of criminal law doctrine. It is doctrine that develops the tools of legal technique. The legal framework developed by doctrine and accepted by the legal academic community serves as an ideal model, enabling theoretical understanding and then normative codification. In other words, the doctrinal legal framework should be viewed as a mental image of the relevant legal phenomena. Currently, the prevailing view defines codification as the compilation, organization, and systematization of law or a subject area within a statute (book). This classical definition, however, represents only the lowest common denominator of the various concepts of codification found in the literature. The extent to which the two defining characteristics of codification—compilation and systematization—are necessary is particularly contentious and largely open to debate. According to some researchers, the strict requirements of the previous idealistic approach to codification have been increasingly relaxed in recent decades. For pragmatic reasons, the goal today is no longer complete, definitive, consistent, and systematic regulation based on fixed axioms, or even a comprehensive recording of all facts. According to a widespread opinion, penetration into a specific, limited area of law is sufficient, expressing a desire for consistency, standardization, and rationalization of legislation. Such a broad concept allows the legislator to exercise abstraction and flexibility in creating a "codification."

Keywords: theoretical concept, legal technique, codification, criminal law, systematization.

References

1. Vlasenko N.A., Chernogor N.N., Abramova A.I., Chernobel T.G., Dvornikova O.A., Malenko T.V. Codification of Legislation and an Effective Mechanism of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2009. No. 7. pp. 154-162;
2. Obraziev K.V. A Systems Approach in Jurisprudence: Theoretical and Methodological Foundations [Electronic resource]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer (date accessed: 30.05.2026).
3. Popov O.V. Theoretical and Legal Issues of Judicial Lawmaking in the Russian Federation: Dis. ... Cand. of Law. Tolyatti, 2004. 221 p.
4. Pustoroslev P.P. Russian Criminal Law. General Part. Issue I. Yuryev: Type. K. Matthiesen, 1907. 535 p.
5. Tikhomirov Yu.A. On the Theory of Legal Regulation: A Comparative Analysis // Journal of Russian Law. 2009. No. 12. pp. 5-13.
7. Bühler T. Gewohnheitsrecht – Enquête – Kodifikation. Zürich, 1977. 192 p.
8. Dubber M. Reforming American Penal Law // Journal of American Criminal Law and Criminology. 1999. Vol. 90. [Electronic resource]: URL: https://scispace.com/pdf/reforming-american-penal-law-4668o01jst.pdf (accessed: 12.05.2026).
9. Montesquieu C. Vom Geist der Gesetze. Genf 1748. XI. Buch, 6. Kapitel. Stuttgart, 2001. 211 pp.
10. Rethorn D. Kodifikationsgerechte Rechtsprechung. Berlin, 1979. 184 pp.